

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НУЖНО ПРИЗНАТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В настоящей статье в очередной раз поднимается вопрос о возможности использования в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-розыскной деятельности. В результате автор приходит к выводу об объективной необходимости непосредственного использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскных мероприятий без придания им некой мнимой процессуальной формы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: доказательства, доказывание, оперативно-розыскные мероприятия, результаты оперативно-розыскной деятельности, собирание доказательств.

THE RESULTS OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES SHOULD BE RECOGNIZED AS EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

In this article, once again raises the issue of the possible use in criminal proceedings the results operatively-search activity. Analyzing the current legislation, scientific positions on this issue, as well as a modern legal practice, the author concludes that the objective necessity of direct use in the process of proving the results of operational search activities without giving them some imaginary procedural form.

К е у w o r d s: evidence, proof, operational search activities, the results of operational search activities, collection of evidence.

Поступила в редакцию 10 мая 2018 г.

При всем многообразии доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, сопровождающих доказывание по уголовному делу, особый интерес традиционно представляют вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Актуальность этой проблематики обусловлена тем, что при бесспорно важном значении подобных результатов для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания¹, современное законодательство не позволяет расценивать их в качестве полноценных доказательств.

Так, ст. 89 УПК РФ и корреспондирующие ей ч. 2 ст. 11 Закона «Об ОРД»² и Инструкция «О порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд»³ фактически предполагают использование соответствующих ма-

¹ См.: Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 7 ; Жук О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций). М., 2004. С. 146 ; Азаров В. А., Константинов В. В. Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Рос. следователь. 2013. № 11. С. 21 ; и др.

² Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ с изм. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : совместный приказ от 27 сентября 2013 г. МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507,

© Россинский С. Б., 2018

териалов в качестве доказательств по уголовному делу в случае их получения в уголовно-процессуальном режиме. Однако вполне очевидно, что ОРД в принципе не может соответствовать требованиям, установленным УПК РФ.

Любое оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ) имеет по сравнению со следственными, судебными или иными процессуальными действиями совершенно иную правовую природу и нормативную основу. При получении оперативно-розыскных данных не соблюдаются предусмотренные законом необходимые процессуальные гарантии⁴. Следовательно, результаты ОРД в момент их передачи в орган дознания, следователю или в суд принципиально не могут соответствовать требованиям допустимости доказательств.

В связи с этим в уголовно-процессуальной науке предпринимаются постоянные попытки выработать некий правовой механизм, направленный на легализацию результатов ОРД для возможности их использования в доказывании по уголовному делу. Причем большинство авторов сходятся в одном постулате, заключающемся в том, что сведения, полученные в результате ОРД, не могут использоваться в доказывании напрямую, непосредственно, а должны быть преобразованы в доказательства в соответствии с процессуальным законом⁵. Эти сведения обычно позиционируются в качестве некой информационной основы, на которой могут быть сформированы доказательства⁶. Указанный тезис находит подтверждение и в практике Конституционного Суда РФ⁷.

Вместе с тем УПК РФ не содержит никаких механизмов, позволяющих придать представленным результатам ОРД какого-либо подобия процессуальной формы. Законодатель вроде бы и не запрещает органу дознания, следователю или суду получать в свое распоряжение определенные материалы, фиксирующие ход и результаты ОРМ, однако в дальнейшем субъекты уголовной юрисдикции не имеют ни малейшей правовой возможности ввести данные материалы в уголовный процесс посредством каких-либо следственных или иных процессуальных действий; подобных действий УПК РФ просто не предусматривает.

Само представление, конечно, можно считать процессуальным действием, но лишь в части взаимодействия органов предварительного расследования и суда с участниками уголовного судопроизводства: подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и др., поскольку соответствующие нормы уголовно-процессуального закона прямо предоставляют право этих лиц на представление доказательств. В.А. Семенцов, рассматривая представление в таком контексте, указывает на невозможность его применения к процедурам легализации результатов ОРД,

ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Петрухин И. Л. Судебная власть и расследование преступлений // Государство и право. 1993. № 7. С. 90.

⁵ См.: Астафьев Ю. В., Изотова Н. В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность : проблемы соотношения и взаимодействия. Курск, 2002. С. 171–172 ; Жажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2006. С. 353–354 ; Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 111–112 ; и др.

⁶ См.: Доля Е. А. Указ. соч. С. 240 ; Астафьев Ю. В. Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 24 ; и др.

⁷ Определения Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О ; от 24 сентября 2013 г. № 1505-О ; и др.

поскольку осуществляющие ее субъекты не являются участниками уголовного судопроизводства⁸.

Вместе с тем практика использования в доказывании по уголовным делам сведений, полученных в результате ОРД, имеет повсеместное применение, а сотрудники правоохранительных органов относятся к ней как к само собой разумеющейся. Причем выработанные на сегодняшний день практические технологии формирования доказательств на основе этих результатов фактически сводятся все к тому же простому представлению соответствующих материалов для приобщения к уголовному делу исключительно на основании норм оперативно-розыскного права. В правоприменительных решениях дознаватели, следователи и судьи ссылаются на материалы оперативно-розыскной деятельности как на полноценные доказательства.

Так, в одном из приговоров судья Московского городского суда указал, что вина подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 290 УК РФ помимо всего прочего подтверждается материалами оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», полученными с соблюдением требований УПК РФ⁹. В свою очередь, в одном из апелляционных определений судьи Московского областного суда оставили приговор суда 1-й инстанции по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ без изменения. Свое решение они мотивировали тем, что вина подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления доказана в полном объеме и помимо всего прочего подтверждается материалами оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», также полученными с соблюдением требований УПК РФ¹⁰.

Приведенные формулировки судебных решений неизбежно наводят на вопрос: какие именно требования уголовно-процессуального закона обуславливают получение материалов ОРД? Очевидно, что данный вопрос не может иметь позитивного ответа, тем не менее, факты прямого оперирования результатами ОРД как доказательствами по уголовному делу – это объективные реалии современной судебной и следственной практики. Впрочем, подобные формулировки имеют вполне логичное объяснение: они четко согласуются с положениями ст. 89 УПК РФ. Позиционируя «на бумаге» результаты ОРД как соответствующие требованиям уголовно-процессуального законодательства, правоприменитель таким образом создает некую правовую иллюзию, видимость их допустимости и, следовательно, законности выносимого юрисдикционного решения.

На самом деле, ни ст. 89 УПК РФ, ни какие-либо иные положения уголовно-процессуального закона не позволяют оценить допустимость указанных доказательств, поскольку их формирование происходит в принципиально иной правовой плоскости. В реальности органы предварительного расследования и суды связывают процессуальную доброкачественность этих материалов с соблюдением требований законодательства об ОРД. Для наглядности приведем несколько примеров. Так, в ходе апелляционного рассмотрения уголовного дела по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ коллегия судей Московского областного суда признала недо-

⁸ См.: Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург, 2006. С. 102–103.

⁹ Пример взят из ресурсов интернет-портала государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» за 2012 г. URL: <http://sudrf.ru>

¹⁰ Апелляционное определение Московского областного суда от 23 сентября 2014 г. по делу № 22-5038/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

пустимыми результаты оперативного эксперимента, проведенного сотрудниками полиции Пушкинского района Московской области, ввиду отсутствия в материалах дела постановления о проведении данного мероприятия, т. е. в связи с нарушением положений ст. 8 Закона «Об ОРД»¹¹. В свою очередь, президиум Магаданского областного суда в ходе надзорного рассмотрения уголовного дела по п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ признал недопустимыми результаты проверочной закупки как проведенной с нарушением ст. 2 Закона «Об ОРД»¹². Судебная коллегия Московского городского суда, рассматривая в апелляционном порядке уголовное дело по ч. 6 ст. 290 и ч. 4 ст. 290.1 УК РФ, наоборот, признала допустимыми результаты проведенных ОРМ в связи с точным выполнением требований Закона «Об ОРД»¹³. Кстати, подобная практика находит поддержку среди ученых-процессуалистов¹⁴.

Таким образом, ст. 89 УПК РФ в том виде, в котором она определена законодателем, представляется не просто сомнительной, но и имеющей догматичный характер в его негативном понимании. Полагаем, что ее присутствие в системе уголовно-процессуального права формально блокирует любые возможности использования в доказывании результатов ОРД и, следовательно, побуждает изобретать некие «обходные пути», а фактически игнорировать установленные запреты.

Некоторым исключением из рассматриваемых проблем является возможность использования в доказывании по уголовному делу вещественных доказательств и иных документов, изначально полученных оперативным путем. Это исключение обусловлено тем, что уголовно-процессуальный закон вообще не предполагает жесткой процедуры возникновения данных видов доказательств. Механизм формирования вещественных доказательств заключается в их осмотре и вынесении соответствующего постановления (ст. 81 УПК РФ). Механизм формирования иных документов фактически сводится к принятию некоего процессуального решения об их приобщении к уголовному делу. Причем для судебного производства порядок принятия этого решения кратко определен в ст. 286 УПК РФ, а для досудебного производства – вообще не установлен. Указанные обстоятельства позволяют отдельным авторам утверждать о возможности формирования на основе результатов непроцессуальных мероприятий лишь таких доказательств, как вещественные доказательства и иные документы¹⁵. Видимо, ученые в подобных рассуждениях исходят из того, что формально иными документами могут быть признаны любые объекты документального характера, имеющие отношение к уголовному делу, в частности материалы ОРМ, а признаками вещественных доказательств – любые предметы, в том числе и появившиеся в ходе непроцессуальных мероприятий. Кстати, данная позиция находит поддержку и в решениях Конституционного Суда¹⁶.

¹¹ Апелляционное определение Московского областного суда от 5 августа 2014 г. по делу № 22-4203/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Постановление президиума Магаданского областного суда от 18 июля 2014 г. по делу № 44у-7/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 июня 2014 г. по делу № 10-7154/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Астафьев Ю. В. Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания. С. 24.

¹⁵ См.: Семенцов В. А., Сафонов В. Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. Екатеринбург, 2006. С. 99; Шейфер С. А. Указ. соч. С. 114–115.

¹⁶ Например, определения Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1293-О, № 1505-О.

Существует и еще одно исключение, позволяющее «законным» способом сформировать доказательство на основании результатов ОРД – возможность допроса в качестве свидетеля сотрудника правоохранительного органа по поводу сведений, полученных им в результате оперативного наблюдения, эксперимента и т. д. Такие свидетельские показания не имеют никакого превосходства перед другими доказательствами, равно как и наоборот. Они должны быть оценены наряду с другими материалами уголовного дела на предмет их относимости, допустимости и достоверности.

Вместе с тем все подобные способы – это не более чем исключения, никак не способные претендовать на право применения в любых случаях, связанных с необходимостью «введения» в уголовный процесс результатов ОРД. Технология их использования в практической деятельности преимущественно носит искусственный характер и фактически является не более чем «прикрытием» оперативно-розыскной информации «наиболее удобным» видом доказательств, причем без разбора их гносеологической природы и сущности. Подобная практика неизбежно приводит к размыванию граней между различными видами доказательств в уголовном процессе, способствует подмене одних доказательств другими или появлению доказательств, не свойственных для восприятия определенных сведений.

Для более глубокой аргументации нашей точки зрения следует обратить внимание, что оперативно-розыскные средства восприятия информации так же, как и процессуальные действия, представляют собой определенные познавательные приемы. Именно эти способы позволяют оперативным работникам формировать в своем сознании посредством чувственного и рационального мышления соответствующие мысленные образы объектов или явлений, которые впоследствии, возможно, и приобретут значение для какого-либо уголовного дела.

По своей гносеологической природе следственные (судебные) действия и ОРМ – очень близкие, родственные познавательные процедуры, в основе которых лежат единые закономерности восприятия человеком объективной реальности. Каждое ОРМ приводит к получению того результата, который является гносеологически идентичным результату соответствующего следственного или судебного действия. По своей сущности, познавательному характеру оперативный опрос соответствует процессуальному допросу; оперативный эксперимент – следственному (судебному) эксперименту; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств – следственному (судебному) осмотру или обыску и т. д.

Под таким углом зрения становится очевидным, что результаты ОРМ подлежат закреплению и введению в уголовный процесс посредством некой правовой формы, которая является идентичной или, по крайней мере, близкой к правовой форме результатов следственных и судебных действий. Поэтому решения дознавателя, следователя или суда о признании отдельных результатов ОРМ вещественными доказательствами, например видеозаписи, фиксирующей оперативный эксперимент, не имеют своего права на существование в той же степени, в которой невозможны аналогичные решения в части результатов следственного осмотра, обыска и других следственных или судебных действий¹⁷. Однако при этом, если объект материального мира, добытый в ходе проведения ОРД, все же отвечает

¹⁷ Подробнее об этом см.: Россинский С. Б. Приложение к протоколу следственного действия : признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2017. № 2 (81). С. 91–103.

условиям, предусмотренным ст. 81 УПК РФ (например, изъятый нож, пистолет, наркотическое средство и т. д.), то его признание вещественным доказательством видится абсолютно правомерным и необходимым; это и есть то самое исключение, о котором мы писали выше.

По той же причине недопустимо позиционирование результатов ОРМ как иных документов. Конечно, результаты непроцессуальных мероприятий тоже подлежат обличению в документальную форму (протоколы, акты и т. д.), тем самым приобретая внешнее подобие с иными документами письменного характера. Однако иные документы следует расценивать в качестве информационных ресурсов, выражающих сведения, сообщенные не субъектами познания, а какими-то «третьими» лицами, например различными предприятиями, учреждениями, организациями и т. д. Тогда как документальные материалы ОРМ формируют должностные лица правоохранительных органов, в рамках непроцессуальных, но, тем не менее, достаточно близких к уголовному судопроизводству познавательных процедур. Безусловно, оперативные сотрудники не являются полноценными субъектами процессуального познания; эта прерогатива принадлежит исключительно суду, дознавателю или следователю. Однако указанные лица в силу своих профессиональных функций не могут быть полностью лишены возможности установления отдельных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Иными словами, в контексте уголовно-процессуального познания их нельзя отождествлять с должностными лицами – составителями иных документов, не имеющими к данному уголовному делу никакого отношения. Кстати, подтверждением правильности нашей позиции выступает все та же ст. 89 УПК РФ, которая как бы специально выделяет результаты ОРД из всей остальной массы информации, т. е. придает им особое значение для уголовного дела. Если законодатель относился бы к ним наравне с другими документальными сведениями, исходящими от «третьих» лиц, и предполагал их приобщение к делу в качестве иных документов, то ст. 89 УПК РФ вообще не имела бы никакого смысла. Использование таких материалов в этом случае полностью вписывалось бы в режим, установленный ст. 84 УПК РФ, и дополнительной нормативной регламентации не требовалось бы. Вместе с тем в ходе ОРМ вполне могут быть изъяты или каким-то иным образом получены определенные документы, подпадающие под гипотезу ст. 84 УПК РФ. В таких случаях их приобщение к материалам уголовного дела в качестве иных документов представляется совершенно справедливым; это опять является тем самым исключением, о котором мы писали выше.

Допрос оперативного сотрудника тоже не может подменять собой результаты непроцессуальных мероприятий. Разница между ними заключается в том, что субъекты ОРМ фиксируют в протоколе или акте свои мысленные образы непосредственно в момент их возникновения или сразу после. Такой порядок обуславливает достаточно высокую степень достоверности и адекватности письменно изложенных сведений. Тогда как при последующем допросе свидетель (бывший субъект познания) описывает возникшие ранее мысленные образы по прошествии определенного времени. Поэтому степень достоверности и адекватности подобных сведений намного ниже. Человек вполне может забыть или неправильно запомнить какие-то фрагменты объективной реальности; мысленные образы, сформированные в ходе проведения различных познавательных мероприятий, могут в его сознании наложиться один на другой и т. д. В связи с этим уместно вспомнить позицию Н. И. Порубова о невозможности получения дознавателем,

следователем, судом из свидетельских показаний такого ясного и правильного представления о происшедшем, как будто они сами были свидетелями произошедшего¹⁸. Невозможность подмены результатов ОРМ допросом соответствующего сотрудника, видимо, обусловлена теми же причинами, которые порождают запрет на подмену оглашения материалов следственных действий в зале судебного заседания в порядке ст. 285 УПК РФ допросом в качестве свидетеля соответствующего следователя или дознавателя.

Если же использовать практику простого переписывания оперативно-розыскных материалов в протокол допроса свидетеля, то данные сведения можно считать показаниями лишь сугубо формально. Фактически это будет не допрос, предполагающий получение сведений о мысленных образах, сформированных в сознании свидетеля, а лишь некий «правовой суррогат». Дознаватель, следователь или суд станут в этом случае «допрашивать» не свидетеля, а сам протокол или акт соответствующего непроцессуального мероприятия, что будет противоречить сути допроса как следственного действия. Поэтому все подобные случаи следует расценивать как исключительно незаконные приемы.

Кроме того, допрос оперативного сотрудника вообще направлен не на превращение непроцессуальной информации в доказательство, а на формирование органом дознания, следователем или судом нового, отдельного доказательства – показаний свидетеля, предметом которых будут не фрагменты объективной реальности, являющиеся отражением познаваемого события, а обстоятельства его участия в проведении соответствующих ОРМ.

Итак, резюмируя все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что единственный вариант решения проблемы использования в доказывании результатов ОРД заключается в легализации механизмов их прямого, непосредственного введения в уголовный процесс без необходимости какого-то мнимого процессуального оформления. По крайней мере, ни одному специалисту, работающему в данном направлении, до настоящего времени не удалось сконструировать какой-либо иной действенный и эффективный способ формирования доказательств, основанных на сведениях, полученных в ходе непроцессуальных мероприятий. На сегодняшний день отрицать возможность прямого использования в доказывании результатов ОРД абсолютно бессмысленно. Наоборот, их необходимо узаконить, придать им более правовой характер. Что же касается возможных фальсификаций и злоупотреблений, то, по мнению В. М. Бозрова, они не исключаются и при следственных действиях. Автор считает, что нужно постараться свести вероятность подобных явлений до минимума посредством уголовных и уголовно-процессуальных гарантий¹⁹.

Вместе с тем прекрасно отдавая отчет в том, какого «джина мы предлагаем выпустить из бутылки», сразу поспешим сделать несколько оговорок. Во-первых, мы не настаиваем на возможности использования в доказывании любых результатов ОРМ. Представляется, что таким правовым потенциалом могут обладать лишь те из них, которые в дальнейшем не смогут быть воспроизведены следственным или судебным путем²⁰.

¹⁸ См.: *Порубов Н. И.* Допрос в советском уголовном процессе. Минск, 1968. С. 8–9.

¹⁹ См.: *Бозров В. М.* Результатам ОРД – статус доказательств // *Законность*. 2004. № 12. С. 24–25.

²⁰ Подобная позиция ранее высказывалась В. В. Абрамочкиным (см. *Абрамочкин В. В.* Использование результатов негласных ОРМ в уголовном судопроизводстве : позиция Конституционного Суда РФ // *Уголовный процесс*. 2011. № 1. С. 23).

Во-вторых, для использования в процессе доказывания по уголовным делам соответствующих результатов сами ОРМ должны быть возведены в такой правовой режим, который в последующем позволил бы дознавателю, следователю или суду проверить их доброкачественность, в частности условия соблюдения прав и свобод личности при их осуществлении. В. А. Лазарева совершенно справедливо отмечает, что для признания результатов ОРМ допустимыми для уголовного дела доказательствами необходимо, чтобы предоставляемый законодательством об ОРД уровень гарантий прав личности был не меньшим, чем уровень гарантий, предоставляемый УПК РФ. К законности же самой ОРД не могут предъявляться меньшие требования, чем к законности деятельности процессуальной. В противном случае существование уголовно-процессуального права с его жесткой правовой регламентацией теряет практический смысл²¹. В свою очередь, Н. А. Громов, В. В. Лисовенко и А. Н. Гущин считают, что необходимыми правовыми условиями применения результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовному делу является обеспечение безопасности источников, достоверности, относимости и проверяемости результатов оперативно-розыскных мероприятий²².

Прекрасно осознавая возможную критику данной позиции со стороны наших оппонентов, считающих что при подобной новации грань между уголовным процессом и ОРД вообще исчезнет, и последняя превратится в еще одно квазиисследование, сразу поспешим оговориться: мы вовсе не ратуем за полную аналогию процессуального режима следственных действий и соответствующих им по способу познания ОРМ, а говорим лишь о соразмерности общего уровня процессуальных гарантий доброкачественности, которые вполне могут разниться с учетом различного назначения и условий осуществления ОРД и уголовного судопроизводства.

К сожалению, в настоящее время правовая регламентация ОРМ оставляет желать лучшего. Условия и порядок проведения некоторых из них прописаны в законе лишь фрагментарно, а для некоторых – отсутствуют и вовсе. Мы совершенно согласны с Я. М. Мазуниным, отмечающим, что неопределенность в данном вопросе вынуждает сотрудников оперативно-розыскных подразделений самостоятельно искать способы, позволяющие дать правовые гарантии допустимости полученных ими сведений либо использовать накопленный опыт, который, к сожалению, часто противоречит законодательству. Он же указывает, что имеющиеся здесь законодательные пробелы порождают «процессуальные суррогаты», которые вместо усиления доказательственного значения оперативно-розыскных мероприятий дискредитируют их в глазах правосудия²³. Представляется, что подобное положение дел как раз и вызывает то негативное отношение к их использованию в процессе доказывания, которое на сегодняшний день вытекает из текста уголовно-процессуального закона и которого придерживаются многие ученые-процессуалисты. Поэтому для реализации наших предложений, связанных с возможностью придания результатам ОРМ статуса полноценных доказательств, в будущем предстоит большая работа по формированию соответствующей норма-

²¹ См.: Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2009. С. 200–201.

²² См.: Громов Н. А., Лисовенко В. В., Гущин А. Н. Оценка доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Следователь. 2003. № 3. С. 17–19.

²³ См.: Мазунин Я. М. Использование результатов ОРД в доказывании нуждается в законодательной регламентации // Инновационное образование и экономика. 2010. № 7, т. 1. С. 44.

тивно-правовой базы и внесению целой серии дополнений в оперативно-розыскное законодательство.

Итак, исходя из возможности прямого использования в процессе доказывания результатов ОРМ, представляется необходимым внесение следующих дополнений в главы 10–11 УПК РФ.

1. Дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ п. 6.1, предполагающим признание отдельным видом доказательств результатов ОРМ.

2. Дополнить главу 10 УПК РФ новой ст. 84.1, определяющей правовые условия и порядок приобщения к уголовному делу результатов ОРМ. Этой же процессуальной нормой предлагается закрепить перечень таких мероприятий, чтобы исключить возможность неправильного применения уголовного-процессуального законодательства и, тем более, злоупотреблений в данном сегменте доказывания. Следует подчеркнуть, что в данный перечень не могут быть включены негласные ОРМ, как изначально не позволяющие обеспечить надлежащий уровень гарантий доброкачественности.

3. Дополнить ст. 86 УПК РФ ч. 1.1, регламентирующей возможность собирания доказательств посредством представления результатов ОРМ в орган дознания, следователю или в суд. Сформулированные нами предложения не связаны с необходимостью внесения изменений в ст. 89 УПК РФ, запрещающую использование в доказывании результатов ОРД, которые не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам самим Кодексом. Ввиду предлагаемых нами законодательных новаций такие изменения представляются бессмысленными.

Следует также отметить, что прямое использование в процессе доказывания по уголовному делу результатов ОРМ допустимо лишь в том случае, если эти результаты подтверждаются иными собранными по делу доказательствами. Разрешение уголовного дела, по существу, на основании одних только результатов не процессуальной деятельности является недопустимым.

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина*

***Россинский С. Б.**, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-процессуального права*

*Moscow State Law University named after O. E. Kutafin
Rossinskiy S. B., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Criminal Procedure Law Department*